

Александр Грин

Голос сирены

Александр Степанович Грин

Голос сирены

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=274222

Аннотация

Артур Детерви верит, что его парализованные ноги излечит пароходная сирена. Надо лишь добраться до порта...

© *FantLab.ru*

Содержание

I	4
II	8
III	10

Александр Степанович Грин Голос сирены

I

Среди битв, через открытое поле, близ Ангудора, проезжало семейство Эмилона Детерви. Он переселялся в зону, свободную от военных действий. Между тем, неправильно взятый путь, благодаря тому, что путешественники хотели сократить дорогу, привел их на этом поле к крутому обстрелу, и шальная граната, лопнув под синим небом, выбросила град пуль, одной из которых сын Детерви, Артур, был контужен в спину.

Что произошло с нервной системой пострадавшего, как изменилась она и в чем, — мы не знаем. Вскоре после этого Артур Детерви начал чувствовать тяжесть и онемение нижней части спины, ходить начал с трудом, и наконец у него совершенно отнялись ноги.

Семейство Детерви было зажиточным. Несколько докторов и клиник за приличный гонорар нашли возможным только сказать, что случай неизлечим. Во всяком лечебном заведении больной находил радушный прием, но очень мало на-

дежд. И, наконец, по совету профессора А.Ренольда, Артура Детерви перевезли в южный город, где был большой порт. Неподалеку от города находилась грязевая лечебница. Сняв уютную загородную дачу, отец Детерви поместил больного в лучших условиях: его комната примыкала к веранде, где, лежа днем, Артур видел море и, по изгибу уходящего в лиловатую даль берега, – часть порта. У него было также всегда много цветов под окнами, в саду и на столе. Раз в неделю больного навещал доктор, кроме того, две сиделки, сменяясь посуточно, ухаживали за ним с ловкостью, терпением и тишиной образцовыми.

Сделав это, отец Детерви погрузился в биржевую игру, почему редко бывал дома. Его сестра Беатриса, девушка семнадцати лет, едва успевала присоединиться к той или другой компании, переходя от гребного спорта к верховой езде с неумолимостью молодого животного, жадного к жизни. Две тетки, сестры отца Детерви, увлекались работами на биологической станции и, по-дилетантски упрямо, сидели за микроскопом. Мать Детерви, вскорости после приезда, переехала на тот берег бухты гостить к родственникам. Таким образом, неподвижный больной мальчик почти всегда был один.

Артуру Детерви было восемнадцать с небольшим лет. Вынужденное лежание или сидение в кресле временами доводило его до бешенства. Это была нервная, непоседливая натура, пылкая и настойчивая. Здесь, – на даче, на обрыве дикого, цветущего берега, он чувствовал себя, как в вечной,

монотонной тюрьме. Ему было запрещено чтение волнующих книг, отчего, часто с досадой отбрасывал он те вялые и пространные сочинения, какими вынужден был довольствоваться и над которыми засыпает даже здоровый. Лучшим развлечением было для него смотреть на море и порт. Внизу, под обрывом, двигался белый узор прибоя, за черту горизонта текли дымы пароходов и белые паруса шхун. Огромный стоял перед ним мир, с запахами ветра и соли. В далеком порту звенел гул, напоминающий летнее ликование кузнечиков. Сквозь дым и солнечные лучи Детерви видел наклонные черты кранов, острые мачты и гигантские, слегка откиннутые назад, трубы с цветными полосками. Меж молотков просвечивала вода. Дым, пар, полощущие и набирающие ветер паруса; огромными клинами контуры океанских пароходов выплывали на рейд. Иногда смешанный, алчный хор стонущих, звонящих и громыхающих звуков порта выделял мелодию свистков, совпадающих так, что, начиная с пронзительных, отрывистых катерных свистков и до поворачивающего в глубине сердца самые большие тяжести, низкого воя сирен – все промежуточные голоса различных судов сливались в стройный, упрямый вихрь. Тогда, сквозь печальную задумчивость, в душе Артура Детерви начинали подниматься непонятные, подступающие слезами в горле, гордость и нежность. Нагнувшись в своем кресле, побледнев от тоски и радости, он смотрел в пестрое отдаление порта так, как будто хотел взглядом переброситься к высоким бортам пришед-

ших издалека стройных судов.

Когда проходил этот момент волнения, он устало откидывался на подушки и, взяв книгу, смотрел мимо нее.

II

Раз рано утром, – так рано, что еще бледное небо сообщало всему бледный и сонный вид, – Артур Детерви проснулся и, не в состоянии будучи снова заснуть, лежал, смотря на выступающий над нижним краем окна морской горизонт. Второе окно приходилось слева от Детерви, и из него виден был порт. Переведя взгляд к этому окну, увидел он вспыхнувшую за рамой струйку белого пара, такую маленькую отсюда, что воображением можно было принять ее за струйку дыма, выпущенную из трубки курильщиком. Она кипела, резко восходя вверх; затем Детерви услышал, как едва дрогнули оконные стекла и, продолжая легко дрожать, наполнили комнату как бы гуломдвигающихся на стекле шмелей. Низкое, как поднимаемый тяжкий груз, далекое, сжимающее слух, «о-о-о-о-о!», приближаясь издали сильными, наваливающимися волнами, заставило Детерви поднять голову. Нет сомнения, то была сирена – гудок трансатлантика «Эквадор», звук, зовущий и вместе приковывающий слушать неподвижно. Из всех ревов и гулов порта больше всего волновал Детерви именно этот страшный, как судьба, звук оглушительного гудка.

То был не рев, не вой, но вой и рев вместе. Наконец струя пара угасла. Звук, оканчиваясь, сошел к самой низкой ноте и, как бы зачеркнув сам себя этим обрывом, исчез, как бы

улетел прочь.

Пока Детерви слушал, внушительная вибрация звука прогнала прочь остаток сна, бросила кровь в сердце и голову. С ним произошла странная вещь: он испытал легкое, подобное лишь мысли об этом, напряжение мускулов правой ноги и почти с ужасом подумал, что пошевелил ею. Но этого не было.

Несколько минут он лежал, прижав руки к вискам и прислушиваясь к своим мыслям, восстающим внезапно. Наконец смертельная тоска, рожденная безумной надеждой, воодушевила его. Он приподнялся, на руках переполз к стулу, поднялся на него и заглянул в окно, выходящее в сад.

Уже солнце поджигало траву; по саду шел садовник и его пять рабочих.

– Друзья, – сказал им Детерви, – вы знаете, может быть, что у меня болят ноги. Слушайте: я вам заплачу щедро; пока в доме все спят, снесите меня на пароход «Эквадор», затем – обратно.

Ему пришлось повторить эту просьбу несколько раз и на разный манер до тех пор, пока полусонные люди не убедились, что им не предлагают ничего страшного или непозволительного.

Детерви дал им вперед денег, оделся, затем сел в кресло и поплыл на четырех парах сильных рук вниз по тропе.

III

Чем далее двигался он, разговаривая с носильщиками об окружающем и об их делах, а также и о своей болезни, тем спокойнее становилось у него на душе. Наконец он приближался к миру неутомимого раскаленного движения, о котором мечтал все эти три года. Он вдыхал запахи угля, морской воды и особым, имеющий тайную прелесть запах прокаленных ветром и солнцем парусных судов, кузова которых, рядом, как затылки солдатской шеренги, теснились у набережной, немного ниже ее, открывая беспорядок палуб. Дальше порт отходил вправо в бухту каменными затонами молов, у концов которых дымились трубы пароходов; там же сквозь изменчивый в тумане и пыли цвет пространства поднимались на воздух, как бы перелетая, бочки и кучи ящиков; цепь крана, схватившую их, глаз не замечал сразу, почему казалось, что материл получила самостоятельное движение. По воздушной железной дороге, временами скрывая эту картину, тянулись груженные хлопком платформы. Было такое впечатление у Детерви, что вся эта громада судов, заслоняющих своими мачтами и трубами друг друга так, что тянулись по набережной целые улицы снастей, дымит трубами от нетерпения сойти с места и плыть в страну далее.

Детерви сидел в кресле. Его ноги были окутаны пледом. Кресло с колесиками, когда его поставили на мостовую, ка-

тилось довольно легко, поэтому двое рабочих катили, а двое шли сзади, затем сменяли тех, кто толкал кресло. Прохожие взглядывали на Детерви, и он отвечал им взглядом, говорящим: «Да, ходить не могу». Женщины, соболезнующие, подняв брови, перешептывались на его счет, двое-трое мальчишек шли некоторое время сзади, но отстали.

Меж тем настало полное утро и пламенно улыбнулось. Яркий, живой блеск заиграл в воде. За зданиями пакгаузов, при повороте Детерви увидел «Эквадор».

Он вспомнил тогда Гулливера и лилипутов. Корабль, размеры которого глаз мог охватить только на отдалении, стоял стеной между ним и остальной гаванью. По длине, высоко громоздящейся над мостовой и, казалось, достигавшей домов порта, мог продвинуться целый небольшой пароход. Усходен, ведших вверх, как на башню, шествие остановилось. Здесь, в густой толпе, хлопочущей среди гор ящиков и багажа, Детерви затерялся. Устав, он посмотрел вверх.

Среди труб вилась тонкая струя белого пара. Она выровнялась, потекла прямо вверх, приняла форму долгого, белого взрыва, метнувшегося под облака, и начала песнь, от которой все померкло, все стало тихим и малым. Некоторое время не было совершенно слышно никаких звуков, как на улице кинематографического экрана, кроме волн победоносного гула, разрывающего пространство. Померкли мысли, дыхание, цвета и предметы; и тот же ужасный рев ревел в самой груди слушающих.

И вне себя от восторга, от счастья видеть и слышать переполняющую его силу, Детерви, весь зазвучав сам, встал со своего кресла. Вначале он не чувствовал ног, как бы летя на месте, но скоро по онемевшим суставам прошли холодными иглами мурашки. Он сделал шаг, пошатнулся и удержался за кресло.

– Теперь поедem назад, – сказал он людям, несшим его, – они еще слабы. О, как ревет! Прямо в меня!

– Да, лучше вам не ходить, – сказал один из носильщиков, ничего не поняв в этом и думая, что Детерви мог стоять. – Однако, голосок у этого парохода. Даже ушам больно.